

отвѣтствіе такой постановки съ духомъ Толстого бросается въ глаза и вносить фальшь и искусственность въ хрустально-чистую, по-дѣтски, по-мужицки простую и обстоятельную сказку. Да и, кромѣ того, балетъ совсѣмъ не въ средствахъ театра Незлобина, и всѣ поставленные вчера труппы носили духъ невыносимаго любительства, диллетантизма и доморощенности дурного тона. Ужели все это дѣлалось только для того, чтобы украсить пьесу Толстого, принарядить ее для той публики, для которой она не писана и которой она ничего не скажетъ? Дѣйствительно, декорация имѣла чрезвычайный успѣхъ у публики, и художнику Аралову неоднократно приходилось выходить на вызовы.

Изъ многочисленныхъ исполнителей сказки только г. Пероновъ (мужицкій чортъ) можетъ быть отмѣченъ. Прекрасный артистъ далъ чорта такимъ, какимъ онъ долженъ представляться воображенію мужика. Одинъ онъ былъ на высотѣ авторскаго замысла, и только въ его игрѣ звучала деревня. Всѣ остальные играли въ „пейзаять“. Да и самый замыселъ ставить эту, въ лучшемъ смыслѣ слова, народную пьесу для разряженныхъ представителей „всей Москвы“, ставить ее съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ не выполнять того, что Толстой требовалъ отъ театра, — врядъ ли можетъ считаться актомъ уваженія къ великой памяти. Совсѣмъ непростительно и недостойно серьезнаго театра было объединять постановку пьесы Толстого съ какой бы то ни было другой, а тѣмъ болѣе съ такимъ малозначительнымъ и малоталантливымъ пустикомъ, какъ „Красный кабачокъ“ Юрія Бѣляева. Г. Бѣляевъ, живя въ Петербургѣ, конечно, не могъ не видѣть картины Сомова, Бенуа, Бакста и др.; не могъ не читать произведеній Кузмина, Ауслендера. Изъ всего этого онъ долженъ былъ заключить, что „ахъ времянь минувшихъ“ въ модѣ. Однако, отсюда до овладѣнія подлиннымъ стилемъ этихъ „времянь минувшихъ“ еще очень далеко. Зато близко и къ ложной историчности, и къ плоской фееріи. Этого-то феерическаго элемента и былъ за вчерашній вечеръ единственнымъ „trait d'union“ между вещью Толстого и пьеской Бѣляева. И только талантливости артиста Асланова, игравшаго барона Мюнхгаузена, да красивымъ костюмамъ, можно приписать успѣхъ „Краснаго кабачка“. Должно, впрочемъ, отмѣтить, что неистовые аплодисменты свили себѣ прочное гнѣздо на верхахъ незлобинскаго театра. Будемъ вѣрить въ добровольное рвеніе и безкорыстный энтузіазмъ аплодирующихъ.

АЛЕКСАНДРЪ КОЙРАНСКІЙ.

Утро 9' осени

„Первый винокуръ“.

(Театръ Незлобина).

...Амуры, черти, змѣи

На сценѣ скачутъ и шумять...

Таково впечатлѣніе отъ поставленной вчера у Незлобина сказки Толстого. Конечно, не для такого впечатлѣнія была написана эта вещь и не для той аудиторіи, какая слушала ее вчера.

Когда-то великій англійскій художникъ Гогартъ написалъ цѣлый циклъ картинъ, въ которыхъ рисовалъ послѣдствія пьянства и порока. Онъ былъ движимъ той же мыслью, что и Толстой; какъ и Толстой, онъ обращался къ народу и, чтобы достигнуть своей цѣли, распространилъ свои картины въ тысячахъ дешевыхъ гравюръ. Для такихъ же дешевыхъ гравюръ или, вѣрнѣе, въ соотвѣтствіи съ условіями мѣста, для лубковъ написана сказка Толстого. Этотъ стиль лубка отчасти былъ уловленъ О. Коммиссаржевскимъ, и то, что было выдержано въ лубочномъ тонѣ, было хорошо. Не какой-то „франтоватый чертенокъ“ попуталъ режиссера поставить нѣкоторыя сцены въ духѣ фееріи и балета. Таковы сцены въ аду и сцена плясокъ въ деревнѣ. Несо-